

Борзунов А.А.
К вопросу
о политических взглядах
Квинтилиана

[Stable URL: <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/1417>]

[Публикация работы:]

Борзунов А.А. 1993: К вопросу о политических взглядах Квинтилиана // Политическая структура и общественная жизнь древнего Рима: Проблемы античной государственности / В.В. Дементьева (отв. ред.). Ярославль, 66-76.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

В другой надписи (CIL .V. 820) упомянут специальный сотрудник — виллак кондуктора государственной пошлыны, который был управляющим при этом кондукторе. Последний и есть императорский чиновник по сбору таможенных пошлыны⁴⁶.

Из надписи, опубликованной Дж.Брузином⁴⁷, известно, что в городе жил некий Эвтих, раб Антонина Пия. Этот Эвтих был, судя по его должности, управителем налогов с Иллирии в размере 1/50 доли (*villous vectigalis Illyrioi quinquagesimae*).

Таким образом, в Аквилеэ рассматриваемой эпохи действовали как представители местной, выборной власти, так и центральной, императорской администрации.

А.А. Бораунов
К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ
КВИНТИЛИАНА

Российский гуманитарный университет

Фигура Марка Фабия Квинтилиана, знаменитого римского ратора эпохи Флавиев, редко становится объектом исторического исследования. "Ораторское наставление", главное и единственное дошедшее до нас сочинение Квинтилиана, имеет ярко выраженную "техническую" направленность и дает богатый материал прежде всего филологам-классикам, историкам педагогики и специалистам по риторике. Однако этим материалом исчерпывание "Ораторского наставления" не исчерпывается. Многие сюжеты основного труда Квинтилиана имеют политическую окраску и представляют большой интерес для исследователя политической мысли раннего принципата. Одним из таких сюжетов является отношение Квинтилиана к так называемым "доносчикам", или делиторам, обвинителям на политических процессах, многие из которых были выдающимися ораторами¹.

⁴⁶ Колосовская Ю.К. Паннония в I-III вв.н.э. М., 1973. С.168.

⁴⁷ Bruzina G. Op. cit. P.80-81.

¹ "Доносчик" — калька с лат. *delator*, "обвинитель". Еще в XIV в. "донос" в русском языке означал "обвинение", "доносчик" — "обвинитель" — из позднейшего сейчас этим словом негативного смыслового оттенка.

Единственной работой, в которой рассматривается отношение Квинтилиана к "доносчикам" является статья М. Уинтерботтома². По мнению М. Уинтерботтома, Квинтилиан, не отрицая своего отношения к демагогам, тем не менее в целом негативно оценивает их деятельность³. Главный вывод автора состоит в том, что одно из важнейших требований, предъявляемых Квинтилианом к оратору, которого он хочет воспитать, требование быть "хорошим человеком" (термин *vir bonus* М. Уинтерботтом понимает как *good man*), являлось не чем иным, как сдержанной реакцией на ситуацию, когда наиболее яркие фигуры на ораторском поприще стали не областью чистотой призыва "доносчики"⁴.

Признавая ценность отдельных наблюдений М. Уинтерботтома и важность поднятой им проблемы, автор настоящей работы хотел бы тем не менее опровергнуть конкретные выводы его исследования и рассмотреть вопрос об отношении Квинтилиана к "доносчикам" в рамках более широкой системы теоретических представлений, зафиксированной в "Ораторском наставлении".

Одним из краеугольных камней концепции М. Уинтерботтома является утверждение, что Квинтилиан разделял широко распространенную в I в. н. э. идею о наступившем после Цицерона и Вергилия упадке искусства слова вообще и красноречия в частности⁵. Исследователи, разделяющие это утверждение (а таковых подавляющее большинство, включая всех советских авторов, писавших о Квинтилиане)⁶, в качестве главного и единственного аргумента приводят название несохранившегося трактата Квинтилиана "*De causis corruptae eloquentiae*", которое обычно переводят как "О причинах упадка красноречия"⁷. Однако Дж. Энциеди автор уже давней, но оставшейся почему-то незамеченной монографии о Квинтилиане убедительно показал, что название более правильно переводить "О причинах допорченного красноречия", что речь в этом трактате, по всей видимости, шла не об упадке красноречия в целом, а только об отдельных направлениях и стилях, вызвавших неодобрение Квинтилиана, и что

² Winterbottom M. Quintilian as the *vir bonus* // Journal of Roman studies. 1964. Vol. 54.

³ Ibid. P. 95-96.

⁴ Ibid. P. 90, 96.

⁵ Winterbottom M. Op. cit. P. 91.

⁶ См.: Гапаров М. И. Цицерон и античная риторика // Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972. С. 67; Кузнецова Т. И., Острожников И. И. Ораторское искусство в древнем Риме. М., 1976. С. 183-204; Seel O. Quintilian oder die Kunst des Redens und Schweigens. Frankfurt, 1977. S. 52-53.

⁷ См., например: Winterbottom M. Op. cit. P. 91.

"Ораторском наставлении", вопреки утверждению мн⁸ ⁸, даётся очень высокая оценка соотношению современного Квинтилиану красноречия, которое в чём не уступает древнему⁹.

Присоединяясь к точке зрения Дж. Коннелл⁸, зададимся вопросом, не является ли в таком случае Квинтилиан в одном лагере с опическим героем тацитовского "Диалога об ораторах" Марком Анром, для которого образцами современных ораторов служили известнейшие "доносчики" Бибий Крион, Эпир⁹ Марцелл и Аквиллий Гегул (5, 8, 15), представители, по выражению противника Афра Маторна, "своекористного и кровавого красноречия", — тем самым Марком Анром, который "разошёлся с общепринятыми мнениями на красноречии нашего времени и, довольный появив старину, насматрившись над, всё, поставил его несравненно выше ораторского искусства древних" (Dial. I; ср. 16, 17). Боязнь такого соседства явно повела над учёными, стремившимися приписать Квинтилиану теорию упадка красноречия. Но считали ли Квинтилиан лучшим представителями современного ему красноречия деятелей, как это делал Марк Анр, или у него был иной выбор?

Обратимся к "Ораторскому наставлению" и попытаемся выяснить отношение Квинтилиана к упоминающимся там "доносчикам". Следует иметь при этом в виду, что в качестве деятелей эти ораторы фигурируют только у Тацита, и что упоминаемый "доносчик" у Квинтилиана немногочисленны и оставляют возможность для противоречивых толкований.

По крайней мере двух известных нам по произведениям Тацита деятелей Квинтилиан относит к виднейшим ораторам своего времени: это Домитий Афр и Бибий Крион (XI.118-119; XII.10,11).

Судя по "Ораторскому наставлению", Квинтилиан очень высоко ценит Домития Афра и готов сравнивать его красноречие с искусством любого из ораторов древности (X.1. 118; XII.10,11). Речь Афра фигурирует у Квинтилиана чаще речей всех других ораторов, за исключением Цицерона.

Однако не следует забывать, что Домитий Афр был учителем Квинтилиана, оставив деятельство задолго до появления Квинтилиана в Риме, ограничиваясь в дальнейшем частной практикой и составлением пособий по риторике (Квинтилиан упоминает его классический труд с овидетелях — У.7,7)⁹.

⁸ G. Connell. Quintilian. N.Y., 1969. P.22-24; Ср.: Quint. Inst. II. 5, 25; X.1, 122.

⁹ Как о "доносчике" сообщает об Афре Тацит (Ann. IV.52; 66; XIV.19; Dial. 13,15). Конкретно упоминается только один случай, когда в 26 г. Афр выступил против Клавдия Пульхра с обвинением в воровстве и злоупотреблении против прищепца (Ann. IV.52), а затем и против ее сына Квинтилиана Вара (IV.66). Не случайно, видимо, именно около 26 г. Афр стал

По мнению Дж. Кеннеди, наибольшее влияние на своего ученика Домития Агрия оказали своим отцом, однако скорее и императором у, чем к тогда "новому", а также как наставник в любви к Цицерону и Вергилию. Нетрудно также заметить, что на обвинительную речь своего учителя Квинтиллиан ссылается только один раз, причем повод для обвинения не был бы издевательством и у Тацита, резко осуждавшего "доносчиков"; Агрий выступал против полностью изгнания императора Клавдия (VI.3,81). Во всех других случаях, когда можно судить об обвинительных произнесениях речи, Домитий Агрий фигурирует в качестве защитника (VI.3,92; 3,93; III.5,16; IV.1,19).

Виктор Крисп, известнейшему "доносчику" возвысившемуся при Нероне и продолжавшему свою деятельность политического обвинителя при Флавианах, Квинтиллиан уделяет гораздо меньше внимания. Примеры его реческой многозначности (V.13,48; VII.5,17; VIII.15), вся характеристика Криспа как оратора укладывается в одну отточку (X.1,119), а для определения отличительного качества его красноречия хватает одного слова ("прищипанность" или "искусственность") (X.1,119 - XII.10,11 - *inconditas*).

Характеристика Криспа хотя и немногословна, но с определенной точки зрения весьма содержательна. Во-первых, в конкретных примерах Крисп упоминается только как защитник, причем по частным делам (VII.5). Во-вторых, следует отметить замечание Квинтиллиана, что хотя "Виктор Крисп шавен, приятен и как бы незлобно правился, однако способен был более и разоблажать дела частных, нежели государственных" (X.1,119). При вероятности разных толкований можно все-таки предположить в таком отзыве не очень одобрительное отношение Квинтиллиана к деятельности Криспа как обвинителя по политическим делам, которыми он, судя по Тациту, прославился гораздо больше, чем частными.

Других известных дитиров, за исключением Коосциана Капитона, который выступает в качестве не обвинителя, а обвиняемого (VI.1,14), Квинтиллиан не упоминает. О причинах можно только догадываться. Определению можно сказать лишь о тех, кто был жив ко времени написания "Ораторского наставления" (Аквилий Регул например), поскольку живых было не принято называть по имени.

претора (Dio. I. IX.19), но в дальнейшем сосредоточился на частных делах, которыми, однако, по мнению Тацита, он "добыл себе славу более благоприятную для его красноречия, чем для нравов" (Am. IV,52)

Достаточно ли было Квинтилиану Домиция Афра и Св'ия Криспа, чтобы считать оговоренное красноречие ни в чем не уступающим древнему? Не следует ли расширить угол зрения и не ограничивать круг выдающихся (во всяком случае, по мнению Квинтилиана) ораторов только двумя, что обычно подразумевается само собой, когда Квинтилиану приписывают идею об упадке красноречия?

В списке современных ораторов, которых Квинтилиан относит к выдающимся (II.10,11), помимо Афра и Криспа фигурируют Сенека, Юлий Африкан, Галерий Трахал и Юлий Секунд. Исследователи творчества Квинтилиана редко обращают внимание на этих ораторов (за исключением Сенеки), поэтому на их характеристике следует остановиться более подробно.

Меньше других Квинтилиан ценит Юлия Африкана, современника и земляка Домиция Афра (оба были родом из Галлии)¹⁰. Упомянув Юлия Африкана в ряду выдающихся ораторов и отметив такие качества его красноречия, как "сила" (*vis*) и "пылкость", *vehementia* (X.1.118; II.10,11), Квинтилиан далее подробно останавливается на недостатках его ораторского искусства: "слишком занимается выбором слов, длинен в периодах и безмерен в повествованиях" (X.1.118). Изречение Юлия Африкана цитируется только один раз (III.5,15).

Гораздо большее внимание Квинтилиан уделяет Юлию Секунду и Галерию Трахалу. Пассажи, дающие оценку их красноречию, по объему уступают только характеристике Цицерона.

Много и в возмеченных тонах говорится о Галерии Трахале (X.1.119; II.5,5-6), два места из его речей приводятся в качестве примера (VI.3,78; III.5,19). Отмечается, правда, что говорил он лучше, чем писал (X.1.119).

Еще более похвалены отзывы Квинтилиана о Юлии Секунде, ораторе, подававшем большие надежды, но рано умершем (X.1.120-121). Известно, что Квинтилиан дружил с Юлием Секундом (X.3.12).

Чтобы повысить внимание Квинтилиана к названным ораторам стало более наглядным, следует обратиться к Тациту. Галерий Трахал появляется на страницах официальных произведений Тацита всего один раз (Hist. 1.90). Юлий Африкан — дважды (Ann. VI.7; Dial. 15,16), причем не сами по себе, а в связи с действиями других лиц, т.е. достаточно случайно. Юлий Секунд выступает в "Диалог об ораторах" как более "высокая" фигура, слово ему дается только для связи отдельных эпизодов беседы

¹⁰ Quint. Inst. VIII. 5, 15; Tac. Ann. VI. 7.

(Dial. 2,3,5,14,16). У Р.Сайма можно найти объяснение такой ситуации: Тацит игнорировал даже выдающихся ораторов, если они не были связаны с политикой¹¹.

Действительно, ни Юлий Африкан, ни Юлий Секунд, ни Галерий Трахал не были замешаны в деляторстве и поэтому, по-видимому, оставались для Тацита фигурами второго плана. В то же время известно, что Юлий Секунд и Галерий Трахал, как и деляторы, оказывали поддержку принципсам, но делали это в иной форме. Галерий Трахал, как сообщает Тацит, своими знаниями и способностями помогал Отону в гражданских делах и, по всей видимости, являлся составителем его речей (Hist. I.90). Юлий Секунд, по данным Плутарха, в 69 г. стал *ab epistulis* того же Отона и сопровождал принцепса в походе против вителлианцев (Otho. 9). Если вспомнить, что и Сенека, которого Квинтилиан (несмотря на неоднозначное к нему отношение) упоминает в ряду выдающихся современных ораторов, был воспитателем и советником Нерона, то выстраивается не лишенная некоторой закономерности линия.

В биографии самого Квинтилиана много общего с тем, что нам известно о Юлии Секунде и Галерии Трахале. Автор "Ораторского наставления" никогда не занимался "доносительством". Во всех судебных делах, в которых Квинтилиан принимал участие и о которых посчитал нужным упомянуть, он выступал в качестве защитника (IV.1,19; VI.1,39; VII.2,24; IX.2,73). При нескольких принципсах Квинтилиан занимал высокое положение. Веспасиан, впервые в римской истории, даровал Квинтилиану государственное пособие на содержание риторической школы. При Домициане знаменитому ритору было доверено воспитание внучатых племянников принцепса, тогдашних наследников престола¹².

Нужно, однако, признать, что наши рассуждения строятся пока на зыбком фундаменте: характеристики ораторов у Квинтилиана немногочисленны и имеют чисто "техническую" направленность (т.е. говорят только о качестве их красноречия), в предпочтении одних ораторов другим большую роль играют личные привязанности (наилучшие отзывы даны учителю — Домицию Африку и другу — Юлию Секунду).

Более прочную основу может дать обращение к системе теоретических представлений Квинтилиана об ораторе и его предназначении.

¹¹ Syme R. Tacitus. Oxford, 1958. P.337.

¹² Наиболее подробную биографическую справку см.: Kennedy G. Quintilian. P.15-20.

"Ораторское наставление" отличается от обычного пособия по риторике тем, что Квинтилиан провозглашает своей целью не обучение технике красноречия, а воспитание совершенного оратора (*orator perfectus*). Совершенный же, как, впрочем, и любой оратор в высоком смысле этого слова, не может не быть "доблестным мужем" (*vir bonus*) (I, pr. 9-10). Иначе он достоин лишь имени не много ходатая или стряпчего (*causidicus*), но не оратора (XII.3,4). Квинтилиан ссылается при этом на римскую традицию: "Оратор должен быть, как определяет его М. Катон, 'доблестным мужем, искусным в речах (*vir bonus dicendi peritus*)'" (XII.1,1).

Чем вызвано исключительное внимание Квинтилиана к этой теме? Как требование к оратору быть *vir bonus* сочеталось с реалиями нового режима? Имеют ли отношение к этому сюжету "доносчики" или ораторы типа Галерия Трахала и Юлия Секунда? На эти вопросы исследователи отвечают по-разному.

М. Винтерботтом, о чем уже шла речь, видит здесь непосредственное воздействие политической обстановки, своеобразный ответ на вызов времени, связанный с деятельностью "доносчиков". *Vir bonus* понимается им как исключительно этическая категория¹³.

М.Л. Гаспаров и Т.И. Кузнецова отдадут предпочтение влиянию традиции, восходящей к Катону Старшему и Цицерону¹⁴, но считают, что эта традиция претерпела у Квинтилиана сильные изменения под воздействием времени. Республиканский идеал оратора-гражданина (*vir bonus dicendi peritus*) хотя и декларируется Квинтилианом, но никак не связан с политическими реалиями принципата и вырождается поэтому в идеал абстрактный и школьно-парадный. Главной становится задача воспитания у будущего оратора нравственности, чему должны способствовать прежде всего занятия философией¹⁵.

Обе точки зрения объединяет априорное представление о том, что оратор эпохи принципата иначе, как деятельностью, проявить себя в политике не мог. Но считал ли так сам Квинтилиан? Для решения этого воп-

¹³ Winterbottom M. Op. cit. P.90.

¹⁴ Наиболее полно в римской политической мысли учение о *vir bonus* как идеале римского гражданина разработал Цицерон в трактате "Об обязанностях" (см.: Утченко С.Л. Политические учения Древнего Рима. М., 1977), а применительно к неотъемлемой черте *vir bonus* — умению хорошо говорить — в трактате "Об ораторе".

¹⁵ Гаспаров М.Л. Указ.соч. С.67.; Кузнецова Т.И., Стрельникова И.П. Указ.соч. С.190-191.

роза необходимо рассмотреть соотношение в "Ораторском оставлении" трех главных родов красноречия: совещательного (в республиканские времена — событийно-политического), судебного и эпидейктического (торжественного).

Не требует особых доказательств то явное предпочтение, которое Квинтилий отдает судебному красноречию. Суды в период принципата становятся главной сферой деятельности ораторов, и Квинтилиан не может не учитывать потребностей своей аудитории (см., например: I.10,25; 35-36; II.4,7-8; 10,1-8; IV,pt.6). Но было бы ошибкой думать, что деятельность оратора Квинтилиан ограничивает судебной скамьей. Сохраняются и даже расширяются возможности для применения торжественного красноречия: воспоминания знаменитый панегирик Траяну ученика Квинтилиана Плиния Младшего и панегирик самого Квинтилиана Домициану (IV pt.). Не исчезает и совещательное красноречие, трансформируясь в соответствии с запросами нового времени. Эта трансформация примечательна: она показывает, что Квинтилиан не был наивным школьным ритором, провозглашавшим абстрактные идеалы. Традиционную формулу "советования" сенату, народу и войску (II.16,19; III.8,37) Квинтилиан незаметно замещал на "советование" сенату и принципсу (III.8,10), что более соответствовало историческим реалиям. Реакцией на эти реалии было и расширение Квинтилианом сферы применения совещательного красноречия. Греки и Цицерон ограничивали ее делами по управлению государством, Квинтилиан добавляет "советование" по неполитическим вопросам, в частности "советование" друзьям (III.8,14). Однако более важно отметить, что Квинтилиан, сохраняя, несколько видоизменив, традиционное гражданско-политическое ядро совещательного красноречия и не соглашаясь с широко распространенной в его время точкой зрения, что "советование должно быть об одном приятном, как-то о строении театра", о учреждении народных игр" (III.8,28).

Таким образом, "советование" сенату и принципсам давало возможность оратору участвовать в политической жизни, не выходя за рамки требований, предъявляемых к *vir bonus*. Килий Секунд и Галерий Трахал таким требованиям, очевидно, удовлетворяли.

Ну а что же "доносчики"? Вписывались ли они в идеал оратора — "доблестного мужа"?

Обратимся сначала к общим рассуждениям Квинтилиана, в которых рассматриваются достойные для оратора — *vir bonus* мотивы, которыми следует руководствоваться при использовании ораторского искусства.

Плод красноречия, о мнении Квинтилиана, истинный оратор должен видеть не в "корысти или плате тяжущихся, но в самом себе, в своем знании и благородстве мыслей" (I.12,18. — здесь и далее пер. А.Никольского). Такая позиция естественна в рамках нормативных политических представлений о безвозмездности деятельности гражданина на общественном поприще. *Vir bonus* не может сделать из красноречия "подлое употребление" и обратить его на приобретение гнусной корысти" (I.12,16, ср. IV.1,8; XII.7,9).

Плата, плата за адвокатские услуги (воспринимавшаяся, как известно, не как плата, а как "гонорар", почетное вознаграждение) уже во времена Цицерона была обычным явлением, и Квинтилиан не требует полного отказа от нее, объясняя, что это как бы компенсация за потерянное на подготовку и выступление время и силы (XII.7,9).

Однако это "послабление", без сомнения, касается только частных дел, а не речей в сенате. Да и в отношении платы за частные дела Квинтилиан необычайно строг и считает такую плату возможной, только если оратору не хватает собственных средств, причем и в этом случае нужно еще щепетильно разбираться, "от кого, а что и сколько получить без обиды можно" (XII.7,9-10).

Могла ли, при столь строгих требованиях к оратору, вызвать одобрение Квинтилиана деятельность "доносчиков", которые, выступая отнюдь не по частным делам, получали в награду от принцепсов иногда целые состояния, исчисляемые миллионами сестерциев¹⁶, и это не считая помагавшей им по закону части имущества осужденного¹⁷.

И действительно, в "Ораторском наставлении" есть по крайней мере три места, в которых из уст Квинтилиана звучит хотя и осторожное, но следует забывать, что трактат был написан во времена Домициана), но

¹⁶ Аквиллий Регул за обвинение Пизона получил от Нерона 7 млн. сестерциев (Tac. Hist. III. 42). Вибий Крисп и Эприй Марцелл зар. ботали красноречием состояние в 200-300 млн. сестерциев (Tac. Dial. 8).

Обычно обвинители получали четверть имущества осужденного (Tac. Ann. IV. 20). Только в случае самоубийства обвиняемого доля "доносчика" сводилась к минимуму. См.: Портнягина И.П. Процесс об осуждении величия в эпоху раннего принципата // Проблемы античной истории. ... 1982. С. 148.

вполне определенно выраженное осуждение деятельности как такового (II.20,2; IV.1,22; XII.7,13)¹⁵. Ключевое положение, объясняющее мотивы осуждения, заключается в том, что "жить ремеслом донощика и тем обогащаться походит на разбойничество" (XII.7,3). Это место подтверждает нашу мысль, что отношение Квинтилиана к "доносчикам" было связано с требованиями, предъявляемыми к оратору — "доблестному мужу".

Следует отметить, что еще одно такое требование имеет прямое отношение к деятельности деляторов. Дело в том, что для *vir bonus* Квинтилиан считает более достойным выступать в качестве защитника, а не обвинителя. "Доблестный муж (*vir bonus*) конечно лучше он хотел защищать подсудимых, нежели обвинять их" (XII.7,1; ср. V.13,2-3). Становится, в частности, понятным, почему, приводя в качестве примеров изречения тех или иных ораторов, Квинтилиан предпочитает брать их из защитительных, а не обвинительных речей.

Однако было бы неправильно думать, что Квинтилиан совершенно лишает истинного оратора возможности заниматься обвинением. Напротив, если есть достойные причины, он признает эту деятельность совершенно необходимой (XII.7,1). Среди этих причин — и заговоры против государства (XII.7,2), и даже оскорбление величия (по обвинению в котором осуждалось большинство жертв "доносчиков") (V.13,2).

Таким образом, дело не в обвинении как таковом, а в мотивах, которыми руководствуется обвинитель. Если эти мотивы благородны и добродетельны, направлены на пользу государства и частных лиц (XII.7,1), а не на корыстное обогащение, то деятельность обвинителя справедлива. Если "жить ремеслом донощика и тем обогащаться походит на разбойничество", то "истреблять внутреннюю заразу есть дело защитников отечества" (XII.7,3). Правда, поиски баскорыстных "защитников отечества" среди современников оказался для Квинтилиана, по-видимому, трудной задачей и не увенчался успехом. Во всяком случае, примеры, которые он приводит, не выходят за рамки республиканского времени (Портонзий, Лукулл, Суллийский, Цицерон оба Катона) (XII.7 и далее).

Подводя итоги, следует отметить, что позиция Квинтилиана по отношению к деляторам двойственна. Автор "Ораторского наставника" не отрицает необходимости их деятельности, но не одобряет те реальные формы, в которые она вливалась. По отношению к идеалу оратора, которому, хо-

¹⁵ Эти места приводит М. Уинтерботтом (Op.cit.P.90) II.20,2: "Ибо были и ныне есть многие, кои дар слова на погибель других обращали и обращают". IV.1,22: "Ибо и угрожать и доносить может и не оратор".

ти и в несколько модернизированном виде, отдаст свои предпочтения Квинтилиану, не соответствовавшим "доносчикам", заботившимся не о благе государства, а о своем личном. Гораздо ближе к этому идеалу стояли ораторы типа Юлий Секунда и Галерия Трахала, не замеченные в "серсокористном и кровавом красноречии", но и не отказывавшиеся от политической деятельности в качестве советников и помощников принцев.

Н.А. Дузенова

ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА ПРАВА
(Ф.К. ФОН САВИНЬИ И Г.Ф. ЛУХТА)
О ПОНЯТИИ "ГОСУДАРСТВО" И ГИМНОСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Московский университет

Среди многих определений XIX века в истории Германии в нашем контексте можно говорить об этом времени как "юридическом столетии". Одним из ярких явлений в jurisprudence следует назвать историческую школу права. Именно этой школе принадлежит подлинно научное изучение права, с нее отсчитывает свое рождение правовая наука как таковая.

С исторической школой права связывают прежде всего имена Фридриха Карла фон Савиньи и Георга Фридриха Лухта, основателей и главных ее представителей¹. Хотя во второй половине столетия, когда влияние школы было еще велико, это направление было представлено гораздо известными учеными, такими как Р.Ф.Иеринг, Л. Шталль и др.

Традиционно началом нового направления в правовой науке считается публикация знаменитого памфлета Савиньи "Vom Beruf unsers Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft" в 1814 году. Брошюра написана по

¹ Едва исследователей основателем школы считают Г. Лухта. См.: Буднич-ли И.К. История государственного права и политики. СПб., 1874;

Коркунов Н. Лекции об общей теории права. СПб., 1896; Новгородцов Н.

Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. М., 1896;

Kunkel W. Savignys Bedeutung für deutsche Rechtswissenschaft und das deutsche Recht // Juristenzeitung. 1962. Jg.17. 15/16.

